

Лютость

Сельского учителя Илью Фарбера приговорили к 7 годам колонии строгого режима.

Судья писал приговор час, зачитывал больше двух, сообщил о том, что подсудимый «дискредитировал систему власти», и ничего не ответил на реплику: «Простите, суда не было: приговор — точная копия моего обвинительного заключения!»

Мне кажется, что именно этот — бессмысленный, беспощадный и безосновательный приговор — войдет, наравне с «делом «Кировлеса», в позорный раздел российского правосудия. А может быть, в сознании потомков даже и перебьет все громкие процессы этих лет. Потому что в делах политических у властей мотив все-таки есть, а в данном случае — исключительно тупость репрессивной машины, которая никогда ни под каким видом не позволит себе признать собственные ошибки и отпустить несправедливо арестованного человека. Нет — будет сидеть, зря, что ли, работали следователи, опера и судьи.

Перед оглашением приговора произошел инцидент. Приставы, ссылаясь на распоряжение судьи, потребовали, чтобы журналист Ольга Романова покинула зал. Основание: на прошлом заседании ее уже выгоняли за «незаконную видеосъемку» (хотя она ничего не снимала, а лишь набивала текст в айфоне).

— Романовна Ольга Евгеньевна, все ждут вас. Пока вы не покинете зал, заседание не начнется. Все ждут только вас, — говорили приставы.

— Мы все ждем судью, — отвечал приставам зал.

Но судья Алексей Лебедев из совещательной комнаты не выходил. Не уходила и Романова. На ее вопрос — есть ли какая-то официальная бумага, на основе которой ей отныне закрыт доступ в Осташковский городской суд, приставы не отвечали. И признались сыну Фарбера Петру, что судья просто стесняется при ней выходить в зал. В итоге приставы заявили: судья разрешает Романовой оставаться в зале, но «учтите, на вас будет составлен административный протокол». «Да пожалуйста», — ответила Ольга.

После чего наконец-то появился судья и предоставил последнее слово подсудимому Илье Фарберу.

В прошлом году Тверской областной суд уже приговаривал его к 8 годам строгого режима по обвинению в превышении должностных полномочий и получении взятки, однако Верховный суд, обнаруживший в деле много нарушений, отменил вердикт и отправил дело на новое рассмотрение. Результат вышел почти тот же. Единственное отличие — в этот раз подсудимому разрешили участвовать в прениях, дали сказать последнее слово и выслушать приговор. В то время как в прошлый раз суд его такой возможности лишил. Просто так. А присяжным судья советовал «не обращать внимания на слова подсудимого», потому что «состав преступления доказан».

...Напомним, из Москвы в село Мошенка Осташковского района Тверской области художник Илья Фарбер вместе с семьей перебрался три года назад. Устроился учителем рисования, литературы и музыки в сельскую школу, заодно занимался организацией концертов и праздников в местном Доме культуры. В 2011 году глава сельской администрации попросила его стать директором этого ДК — в здании нужно было закончить ремонт. По словам Фарбера, став директором, он обнаружил, что контракт на ремонт просрочен, сметы раздуты подрядчиком в 3 раза, а ремонтные работы выполнены некачественно. Подрядчик же, гендиректор компании «Горстрой-1» Юрий Горохов, ссылался на «финансовые трудности». Как говорит Фарбер, ему приходилось выполнять часть работ самому, нанимать людей за свои деньги, покупать стройматериалы, брать в долг, чтобы одалживать и самому подрядчику (хотя Горохову было выделено из бюджета на ремонт 2,5 миллиона рублей). Горохов обещал возместить расходы, но расписок не дал.

В сентябре 2011 года Фарбер приехал в офис Горохова (тот сам вызвал — якобы вернуть долг), где и был задержан сотрудниками Тверского УФСБ. Оказалось, Горохов написал заявление о вымогательстве и взятке.

И вот теперь, согласно уже версии следствия, получалось, что Фарбер в июле-августе 2011 года получил 300

тысяч рублей от директора коммерческой организации за то, что позволил подрядчику продолжить ремонтные работы в помещении ДК, а через месяц еще порядка 132 тысяч рублей за подписание акта выполненных работ. На деле же, писали следователи, работы были проведены не в полном объеме, и подписав указанный акт, Фарбер причинил бюджету учреждения ущерб в размере 941 тысячи рублей.

...Фарбера не слушали ни в ходе следствия, ни на судебном процессе. Первый процесс, кстати, занял одну неделю. И весь процесс не давала покоя прокурору Верещагину и судье Андрееву национальность Фарбера, они намекали присяжным: это обстоятельство характеризует подсудимого негативно и подтверждает, что он априори «преступник». «А поверим ли мы, что человек по фамилии Фарбер будет бесплатно помогать деревне?»

Каждый раз, когда подсудимый пытался доказать свою невиновность, его одергивал судья: «присяжным уже неинтересно слушать», «давайте быстрее, присяжным скучно». И, наконец, произносил в присутствии присяжных: «Что же, получается, вы ни в чем не виноваты у нас? Этого не может быть!» А прокурор заявлял, что «Фарбер поставил под сомнение и подорвал авторитет власти», и рассказывал присяжным, что на диктофонной записи ему лично якобы отчетливо слышен хруст передаваемых денег: «Это хруст денежных купюр, я насчитал 30 хрустов по 5 тысяч». Прямых доказательств получения Фарбером взятки прокуратура на суд не принесла.

Сам подрядчик Горохов выступал в качестве свидетеля. Требовала наказания для Фарбера и нынешний директор «потерпевшего» Дома культуры госпожа Фокина. Она рассказывала о том, что сейчас даже «не на что сделать ремонт кровли и подвесного потолка». «На эти цели нужен миллион рублей!» — вздохнула она. И этот миллион, по ее словам, присвоил себе Фарбер. Роль подрядчика Горохова госпожа Фокина не затрагивала.

Итог: даже не уходя в совещательную комнату, присяжные (их оставили в зале — и основных, и запасных) признали Фарбера виновным, а судья Андреев приговорил его к 8 годам в колонии строгого режима и штрафу в размере 3,2 млн рублей (хотя «ущерб» оценивался в 941 тыс. рублей). Не было принято во внимание ни состояние здоровья подсудимого (страдает последствиями компрессионного перелома двух позвонков), ни наличие у него трех несовершеннолетних детей.

...Новое разбирательство заняло 1,5 месяца. Правда, проходило уже без присяжных (в связи с изменениями в законодательстве). На суде выступал тот же Горохов. Та же Фокина. Снова требовали наказания. Горохов отказывался отвечать на уточняющие вопросы защиты. Например, о том, знает ли он, что даже экспертиза установила, что сметы на ремонт клуба были при нем, Горохове, раздуты в несколько раз. «Не буду отвечать». «Почему?» — спрашивал даже судья Лебедев. «Не буду и все».

И позиция прокуратуры опять-таки ничем не отличалась. Только про 35 хрустов новый прокурор — Александр Тихомиров — ничего не говорил, лишь огласил составленное следователем Савенковым обвинительное заключение, заметил, что Фарбером совершено страшное преступление, посетовал, что институт тайных доносчиков на взяточников, созданный еще Петром Первым, неплохо бы возродить, и попросил приговорить подсудимого к 7,5 годам строгого режима и оштрафовать на 3 100 000 рублей.

В итоге судья Лебедев писал приговор час, а зачитывал больше двух.

— Простите, но это точный текст моего обвинительного заключения. Суда не было! — воскликнет в какой-то момент Илья Фарбер. Судья не ответит.

«Исходя из общественной опасности» и потому что подсудимый «дискредитировал систему власти», назначить наказание в виде 7 лет и 1 месяца колонии строгого режима и штрафа в размере 3,1 млн рублей. Так закончил процесс судья Лебедев.

Последнее слово Ильи Фарбера, в котором он "дискредитировал власть"

Меня обвиняют в получении взятки в 132 тысячи 600 рублей. Ха-ха. Нет ни одного доказательства, что это взятка была. Но мне всячески дают понять: заднего хода у этого катка нет. Меня все равно закатают.

Но я до сих пор под впечатлением прокурорского запроса к суду приговорить меня к 7,5 годам строгого режима. Я не понимаю, и мне кажется никто, кроме прокурора, не понимает, чем обосновано это наказание. Думаю, прокурор также не понимает. Рационального объяснения этому сроку нет. За эти 7,5 лет вырастут мои дети. Я считаю, это вредительством просто. Срок настолько кровожадный, что ему удивляются даже убийцы, с которыми я сижу в СИЗО.

7,5 лет – это срок больше чем убийцам, больше чем скинхедам, торговцам наркотиков, участникам разбоев, грабежей, насильников, которые порой 5 лет условно получают. Они все выйдут на свободу раньше чем я. Мне уже кажется, что на мне какая-то красная лампочка мигает «Социальная опасность», из-за которой меня нельзя к людям допускать. Срок 7,5 лет в моем случае – это дикость. При этом перед тем, как запросить этот срок, прокурор сам сказал, что у меня есть дети...

Прокурор не стал утруждать себя даже тем, чтобы что-то анализировать и сделать какие-то выводы из выступлений свидетелей, он просто прочитал статью из «Википедии» о том, что взятки брать вредно. Это логично, потому что лето. Всем хочется гулять, купаться, а не работать.

Ровно два года назад было тоже лето, и я тогда занимался ремонтом клуба, чуть ли не ночевал в нем, и ожидал Горохова, когда тот привезет материалы и деньги...

Если бы прокурор не читал статью из «Википедии», было бы видно, что он совсем ничего не делал на процессе, кроме того, что читал обвинительное заключение, составленное следователем Савенковым и содержащее грубые ошибки.

Так, Горохов, на основании показаний которого мне предъявили обвинение, сначала был потерпевшим, а когда следствие разобралось, что я не вымогал у него деньги, что Горохов меня оговорил, то с меня сняли обвинение в вымогательстве взятки, а с Горохова сняли статус потерпевшего. И иного статуса ему присвоено не было, показаний он больше не давал. Но почему-то обвинительное заключение следователь составил на основании показаний Горохова как свидетеля. А кроме показаний Горохова ничего больше, чтобы говорило о совершении мною преступления, в материалах дела нет. Даже косвенных доказательств в деле нет.

Горохов представил следствию запись со своего диктофона, на которой только тишина и

слышны чьи-то шаги. Но Горохов утверждает, что на этой записи слышно, как он передал мне 150 тысяч рублей. Но на записи этого нет. И нигде нет этих доказательств. Свидетелей этому нет. Но мне упорно вменяют это преступление. Причем, Горохов говорит, что через несколько дней он мне дал еще 150 тысяч рублей. Правда, в этот раз записи с тишиной он не предоставил...

Со всеми словами о том, как опасно брать взятки — я согласен. И я обращаю все эти слова, прежде всего, к прокурору. Я и без «Википедии» смогу рассказать, как опасно брать взятки и это будет убедительнее. Не только взятки опасно брать, но и не считать себя вообще за человека. Отказаться от себя и слепо исполнять советы, приказы своего руководства — это опасно. Это подражание фемиде в повязке в плохом смысле. Людям без погон и людям в погонах это совсем противопоказано. Потому что позор удесятерится.

И мне стыдно за нашу прокуратуру. За прокурора мне стыдно. Стыдно перед зрителями, перед судом, перед моими защитниками.

Знаете, когда я работал в подмосковной школе учителем, мы со школьниками иногда ходили в походы и собирали мусор в лесу. И мы с детьми хотели создать организацию по сбору мусора по всей России, а потом и по всей планете. И каждый раз мне было стыдно, что этот мусор есть, который разбрасывают взрослые. И сейчас мне также стыдно за прокуратуру, за следователя, за весь Следственный комитет, за наше государство... Мне стыдно за всех них перед детьми.

Мне кажется, всем порядочным взрослым стыдно.

Надо что-то сказать, глядя детям в глаза. Ведь дети о нас думают лучше, чем мы есть.

Я объясняю своим детям — дать мне 7,5 лет тюрьмы хотят дяди из областной прокуратуры.

А вот чтобы я был на свободе - хотят уже мои дети и мои ученики.

И вот мне бы хотелось, чтобы судья сделал выбор в пользу детей. Потому что у детей настоящие желания, а у взрослых дядь из областной прокуратуры - не настоящие. Они просто хотят прикрыть свою ошибку. И это желание преступно. Лучше бы они попросили прощения. Они бы детям подали хороший пример этим самым.

....

Все участники моего процесса войдут в историю. Все. Есть такой список Магнитского, который ограничивает перемещения по миру преступников за их нарушения закона, а также ограничивает количество их имущества. Чтобы возник этот список, нужно было, чтобы человека замучили насмерть в тюрьме. Меня еще насмерть не замучили. Я надеюсь, мне не придется умирать, чтобы был список Фарбера. Но все равно будет известна фамилия заказчика моего дела, заказчика, который где-то маячит и никак его не рассмотреть. Но он есть.

....

Ошибкой первого процесса было то, что на суд выделили прокурора-антисемита, который испытывая ко мне очевидную личную неприязнь, постоянно указывал на мою национальность присяжным и требовал для меня 9 лет строго режима.

Я думаю, что этот повторный процесс также движется не в том направлении.

Наши приговоры с Навальным похожи. А когда я прочитал про суд над ребятами по болотному делу, то подумал, что, наверное, меня судят в том числе, и за это дело тоже

Потому что сейчас, наверное, такое время в России что судят именно тех, кто хочет что-то изменить.

Ребята с Болотной пытались изменить что-то через взрослых людей, через обращение к власти. Я пытался через детей. Я объяснял уже, что ремонтирую клуб, я был бескорыстен. Я хотел сделать лучше. Лучше детям, их родителям, гостям, которые будут приезжать к нам в клуб.

И нас всех — и меня, и ребят с болотной - судят нелепо, показательно, стремясь упрятать на

большой срок.

Печально. Все это говорит о незаметно наступившем тоталитарном режиме.

Учитывая это, ждать оправдательного приговора по-моему делу смешно и наивно.

Хотя я рад, что это все сейчас в нашей стране происходит, потому что когда-нибудь какой-нибудь процесс может быть последней каплей, которая повлияет на восприятие мира, жизни людей нашей страны.

Хотелось бы очень, чтобы меня отпустили к детям, хотелось бы, чтобы прокуратура и следователь извинились, перед тем как их уволят и внесут какой-нибудь в список и самих осудят за их преступления. Хочется, чтобы они все попросили прощения. И не передо мной. Перед страной. Перед детьми. Чтобы бы дети это видели, как сильные просят прощения.

А пока мне смешно слышать, как ОМОН, прокуроров, судебных приставов, следователей и прочих называют силовиками. Если бы меня спросили малыши, почему их называют силовиками, я бы ответил что с иронией: «Это не силовики, а слабовики, боящиеся потерять свое место, не получить звания и т.д.». Они все не того боятся. Надо бояться жить не по совести. И в тюрьме, конечно, находятся они, а не мы – те, кого судят несправедливо. Нам боятся нечего. Нам только стыдно. Стыдно и парням с болотной, и Навальному, и Офицерову и всем, кто что-то понимает в этой жизни. Стыдно за беспомощность свою перед детьми.

Но мне всегда думается, что есть шанс. Я знаю, что справедливый приговор вынести по моему делу трудно, это требует мужества от судьи. Многие люди забывают смотреть на небо, многие забывают смотреть на своих детей, многие забывают думать о том, что думают их дети. Не все помнят о том, что дети все видят, все понимают и воспитываются нашими поступками. Мне хочется, чтобы судья не забывал, что дети верят, что ему хватит мужества вынести справедливый приговор. Есть много вариантов. Можно вынести условное наказание. Даже 7,5 лет судьей могут быть определены как условный срок. Можно вынести реальный срок но с отсрочкой, чтобы я все таки успел на ранней стадии – моему младшему ребенку меньше 3 лет – побыть с ними хотя бы несколько лет. Можно назначить меньше срок... Можно учесть, что я два года до приговора нахожусь в СИЗО - самых строгих условиях, которые только есть. С людьми которые совершают еще большие преступления, чем убийства. Мне не разрешали видиться с родными год. Письма не пропускали. Сажали в карцер. Мотали по разным камерам... Только если ты признаешь вину, сам следователь может тебе дать мобильный, чтобы ты поговорил с мамой. Я не признавал свою вину...

Вот это суду тоже можно учесть и решить, что достаточно над мной издеваться.

Я прошу подумать над моими словами. Не воспринимать их как формальность. Я не знал, дадут ли мне вообще последнее слово, поэтому я не готовил его, и уж тем более - не пересказывал «Википедию». Я говорю то, что думаю, то что у меня в сердце.

Я специально не говорил про состояние здоровья. Потому что в СИЗО я видел, как поднимаются по лестнице в камеру слепые, или как человека вносят в камеру без обеих ног, или рук... И у сокамерников его и у всей администрации СИЗО глаза на лоб выскакивают и обсуждать все начинают - ЧЕМ он может совершить преступления?

Еще я видел, как из СИЗО выносят на носилках и грузят спешно в машину человека. Не потому, что надо ему оказать быстро помощь, а потому что надо, чтобы он не умер на территории СИЗО...

Наши тюрьмы созданы как раз по принципу ослабления человека, вытягивания из него здоровья. Или людей унижают физически, или словесно. Все это ослабляет даже сильного человека.

А сильнее делает только любовь.

Я долго думал, зачем все это нужно. Потом догадался: наши тюрьмы нужны нашей несчастной власти в таком виде – чтобы сажать сильных. Потому что сильный человек составляет этой власти конкуренцию. И с помощью тюрем власть славно борется со своими конкурентами.

Я все думаю, в чем власть видит меня конкурентом. Я ведь стал директором сельского клуба, потому что больше никто не хотел им стать. Мне говорили некоторые в селе, как я мог приехать с фамилией Фарбер в деревню и занять пост директора клуба и заниматься с детьми?..

21 век на дворе. Я, конечно, не воспринимал это всерьез. Потому что в селе Мошенка были другие люди - это родители учеников моих. Они не приезжали на этот суд. Потому что они занимаются делом. А суды - этим людям кажется, что они ни на что не влияют. У них огород, скотина, которыми надо заниматься, у них дети... Поэтому я когда читаю в статьях что, все население Мошенки было против меня, - это неправда. Сами дети не были против меня. А будущее за детьми. Поэтому я с ними и занимался мусором. Ребенок собирающий мусор, не разрешит взрослым мусорить.

Через несколько минут или часов мне будет оглашен приговор. Как я понимаю, он уже составлен. То, что мне дали последнее слово — это просто ради соблюдения формальности.

Мне бы хотелось, чтобы суд вспомнил о детях. Что дети верят в справедливость, они отказываются верить в несправедливость, для них мир рушится, когда она наступает.

Я прошу вынести приговор если не оправдательный, то такой, который может отпустить меня к моим детям.

Спасибо.

И я хочу сказать, что это не последнее мое слово.

Автор: Вера Челищева © Новая газета ОБЩЕСТВО, РОССИЯ 👁 3798 04.08.2013, 00:25 📄 414
URL: <https://babr24.com/?ADE=117242> Bytes: 18818 / 18735 [Версия для печати](#)

👍 [Порекомендовать текст](#)

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)
- [ВКонтакте](#)

Связаться с редакцией Бабра:
newsbabr@gmail.com

Автор текста: **Вера
Челищева.**

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: [@babr24_link_bot](#)
Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь
Телеграм: [@bur24_link_bot](#)
эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова
Телеграм: [@irk24_link_bot](#)

эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская
Телеграм: [@kras24_link_bot](https://t.me/@kras24_link_bot)
эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская
Телеграм: [@nsk24_link_bot](https://t.me/@nsk24_link_bot)
эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин
Телеграм: [@tomsk24_link_bot](https://t.me/@tomsk24_link_bot)
эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"
Телеграм: [@babrobot_bot](https://t.me/@babrobot_bot)
эл.почта: equatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)